

В декабре, когда в Иркутске стояли трескучие морозы, он часто вспоминал Ереван и незнакомого черноволосого мальчишку, ходившего за ним по пятам. Он уже настолько привык к юному спутнику, к молчаливому сопровождению, что в автобусе брал два билета, оборачивался и весело подмигивал малышу. А когда ему пришлось уезжать — его ждали другие шумные города — он подарил мальчишке зонтик. Обыкновенный зонтик, который в руках мастера становился волшебным и на арене цирка переживал чудесные превращения. А еще он вспоминал Марьину рошу, невеселое военное детство и себя, тоже малыша, в штанишках на ляжке, которую каждый вечер вновь и вновь зашивала мама...

А вечером, когда жаркий свет прожекторов обдал морем разноцветья арену, он проказливо перепрыгивал барьер и на два часа превращался в обыкновенного мальчишку из бывшего московского предместья. Но это было только начало: безудержное веселье сменялось тихой грустью, просветленной и нежной, а потом начинался удивительный каскад ярких реприз, казалось, на арене царил волшебник и наградой ему были аплодисменты. Они как белые голуби вылетали из темных рядов и кружили над ареной.

Потом, когда пустел цирк и медленно гасли огни, он устало смывал с лица грим и не спеша шел по иркутским улицам. Его узнавали, здоровались незнакомые люди. Он сосредоточенно кивал, потому что был занят — работал.

Он не вел счета своим выступлениям, число их давно перевалило за тысячу и каждый раз он играл себя. Нет, рождались новые сцены, пантомимы, но всегда он играл себя, свою жизнь. Он был богат настолько, что каждый вечер мог выплескивать новое и новое, ничуть не жалея накопленного годами и только что рожденного. Он приходил в гостиницу, доставал заветную тетрадь и записывал маленькие рассказы, где реальное смешивалось с фантастикой, где действовали добрые и мужественные люди. Он очень любил их, потому что всю жизнь мечтал походить на них. Он любил сказки, верил в них и очень хотел заставить поверить других.

Иногда в кругу друзей — артистов, писателей, музыкантов, журналистов — он откровенничал, говорил о том, что заболел:

— Клоун — не профессия, это мировоззрение. И уж коль вы так смотрите на мир, чем бы вы ни занимались, вы останетесь клоуном. Мне всегда кажется, что клоунада или комическая пантомима, или комический фильм — сродни сказке, где может быть и очень страшно, все обязательно абсолютно серьезно, и всегда грустно, несмотря на счастливый конец, грустно потому, что кончается сказка.

...В опустевшем после представления Иркутском цирке одиноко плакала девочка. Студентка-первокурсница, она по вечерам работала в гардеробной. И вот пропало пальто. Ее плач, по-детски захлебывающийся, слышали многие, а услышал только он. И как же рад он был, когда в один из вечеров она подкараулила его у выхода из цирка, протянула обернутый в газету цветок и убежала. Он ухаживал за этим цветком, как за ребенком, и тот долго еще давал еле уловимый аромат в уютной комнате гостиницы, где были разбросаны книги и зонты, афиши и рукописи — атрибуты его повседневных трудов.

Он полюбил город на Ангаре и год спустя, гастролируя в Москве, вспоминал прогулки по Ангаре, по тихим улочкам центра с удивительной резьбой на домах, вечерние беседы, где причудливо переплелись изящные стихи Малларме, лиризм Паустовского и стонущие руки Марселя Марсо.

Он светло вспоминал город, подаривший ему два месяца напряженной, счастливой работы, где его поняли и приняли. Там, в Москве, он рассказал историю о том, как поздним вечером в глухом иркутском переулке его окружила ватага. Видимо, неожиданный «поклонников» заинтересовала шапка гостя. Он обернулся к ним, снял шапку и улыбнулся, улыбнулся улыбкой мальчишки из Марьиной роши, волосы рассыпались по плечам. Кто-то охнул восторженно и почтительно. А потом он шел не спеша к гостинице, а сзади шествовал почетный эскорт.

В Москве он смеялся: — Искусство помогло.

А за десять лет до этого в Москве шел мокрый снег, хлопья таяли на лице. Афиша на Цветном бульваре сообщала о его гастролях. Это был дебют, и он волновался, как школьник, хотя за плечами были арены многих городов и ринги больших турниров, где выступал он — мастер спорта по боксу.

— У меня в горле стоял противный комок, но где-то в глубине души было чувство спортивного азарта, хорошей злости, просто так уступить я не хотел. Я не помню, что было на арене, только конец — смеющиеся лица зрителей и только одно лицо, залитое слезами, справа в четвертом ряду. — лицо моей матери...

Города, города... Они мелькали перед глазами, словно кадры цветного кино, но в каждом из них он оставлял частицу себя, заставлял людей верить в прекрасное и доброе. А другим прекрасное не бывает. — Это старая как мир история о том, что несмотря на явные достоинства, люди порой не хотят понимать художника, в данном случае всего-навсего акробата. Так и в цирке. Но когда техника достигла совершенства, когда он не просто трюкач, когда он заставляет задуматься, ему воздают должное...

Он верил в счастливые концы. Счастье не обошло его, с ним вместе смеялись, вместе грустили и вместе с ним уносили из цирка светлое, то, что помогает жить. Имя всему этому — искусство. Он очень гор-

ЧЕЛОВЕК ИЗ МАРЬИНОЙ РОШИ

дился, когда его назвали «интеллектуальный клоун». Он мог делать удивительные вещи, блестяще жонглировал, пластическому рисунку его акробатики мог позавидовать любой мастер. Но ему этого было мало, он всегда стремился доказать, что за всем цирковым совершенством стоит мысль, что каждый трюк не сам по себе, что он частица движения души, неразрывное звено в гармонии человеческого бытия.

Помните «Скрипку» — грустный рассказ о непонятном художнике? Да, все выполнялось в стиле цирка, было изумительно сработано, но не звучали рукоплескания во время сценки, и после была немая минута, и только потом взрывались аплодисменты. Часто говорят, что автор должен «наблюдать жизнь», «подсматривать». Честное слово, не знаю, что это такое. Я работаю над репертуаром ежедневно. Как? Живу... По-моему «подсматреть» сюжет, это все равно, что написать натуралистическую, как раскрашенная рыночная фотография, картину и не добавить своего. Все будет фальшиво. Да и не может, по-моему, существовать сюжет репризы или пантомимы в жизни в «чистом виде», как не существуют в природе в чистом виде редчайшие и дорогие металлы.

Он отстаивал свое право художника самозабвенно, горячо спорил, а когда не хватало аргументов, он задорно говорил: «Хотите, покажу...»

Был понедельник — выходной день артиста. Он целый день репетировал на манеже, а вечером его уговорили зайти в театральное общежитие актеры туза, студенты... Разговор шел о Станиславском и Гамлете, об Остапе Бендере... Он предлагал свои рисунки ролей, вскакивал и... комната раздвигалась. В тишине появлялись Джордано Бруно, входящий на инквизиторский костер, и смешной юноша, спешащий на свидание...

Кто-то из молодых актеров обронил фразу: «Да, диапазон...» А ему все было ничем, задрапировавшись в скатерть, как в тогу, он отчаянно фехтовал, падал пронзенный и подобно Икару устремлялся к солнцу...

В одной из умных и полной тончайших нюансов книге К. Паустовского написано, что почти все большие юмористы в жизни оказывались грустными людьми. Он тоже грустил, ждал писем из далекого города, долго ждал. А когда за час до Нового года в дверях его комнаты появилась, подобно Снегурочке, молодая красивая женщина, прилетевшая за тысячами километрами, он не удивился, не вскопчил со стула и только устало сказал:

— Проходи. Видимо долгое ожидание убило сказку,

а он без нее не мог. Злата Прага, воспетая и перепетая, наградила его высшим цирковым призом. О нем писали, что он чемпион мира среди клоунов, а он каждое утро бросал и бросал зонтики, и они были ему послушны.

Цирк в Иркутске всегда затаенно ждал этого момента. Он знал, что четверть часа до конца представления на галерке появятся его сибирские друзья, они придут на «зонтики». И вот закончился фейерверк сказочных превращений зонтов, он стоит в центре арены, задорно смотрит по сторонам. Наступает минута волшебства. Зонт стоит на голове, на нем шляпа, шарф и пиджак артиста. Замирает бравурная мелодия оркестра. Тишина, потом легкий щелчок языком, ударили литавры, плавное движение головой, на секунду притухают огни, и снова яркий свет. Шляпа, шарф и пиджак на артисте, над головой раскрытый зонт. Аплодисменты, аплодисменты волшебнику. А потом выйдет снова на арену и сыграет «Сердце», он его держит на руке и протягивает людям...

К нему подходят с цветами, просят автограф. И кому-то из друзей он пишет на фотографии шутильную надпись: «Я король карманных воров. Я почти что богат и счастлив. Я ищу человека, который носит в кармане сердце. Не могу найти».

Он придет вечером в гостиницу и запишет перед сном («ни дня без строчки»):

«Гремит и грохочет, смеется и аплодирует, шумит и лязгает вокзалами. поет с эстрады и тихо шепчет слова любви. Огромный Мир, и мимо ничего не стоит переносить нас из конца в конец, рассказывать о большом и маленьком, трагическом и смешном. Рассказывать о мире, где живут рядом добро и зло, и о том, что человек обязательно победит злое начало в этом мире, в самом себе.

Как трудно быть комиком! Гастроли в Иркутске закончились, он уехал в Ереван, снимал фильм, писал книгу и ставил свой спектакль «Сердце клоуна», где все о пережитом, о смешном и грустном, о жизни.

Пришла шутивая открытка: «...Как там Ангара, отсюда почти видна Анкара, но это значительно меньше впечатляет, чем Ангара...»

...Директор московского цирка был немолчим, ссылка на Сибирь не помогла.

— Все билеты на лето раскуплены. Ни одного места...

— Да я же друг его...

— У него пол-Москвы друзей...

«Сработала» записка, переданная через вахтершу. Он выскочил прямо на улицу, в гриме, разгоряченный, потащил за кулисы, организовал стул у арены.

После представления его ждали у подъезда девушки и парни с букетиками. Он улыбался, благодарил. Мы брели по Цветному бульвару, потом поехали в Марьину рошу. В стороне осталась Останкинская телебашня, кругом стояли небольшие домики, увитые зеленью. Только в одном доме светились окна. Он застенчиво улыбнулся и сказал:

— Мама не спит, волнуется...

Он обещал осенью, не этой, так следующей приехать в Иркутск.

— Осень... Я иду по улицам города. Уже почти коричневый лист, совсем мокрый, мелькнул под фонарем и упал к ногам. Он отдал все свои силы, чтобы весной появились зеленые побеги...

— До осени, — сказали мы друг другу.

Несколько дней назад газеты сообщили о смерти народного артиста Армянской ССР Леонида Георгиевича Енгибарова. Одним волшебником на земле стало меньше. Осиротел черноволосый мальчишка в далеком Ереване.

В. ИВАШКОВСКИЙ.